

Альбом

А.А. Бровко

Учитель жизни

Куинджи и его школа

Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубины души его.
Н.К. Рерих

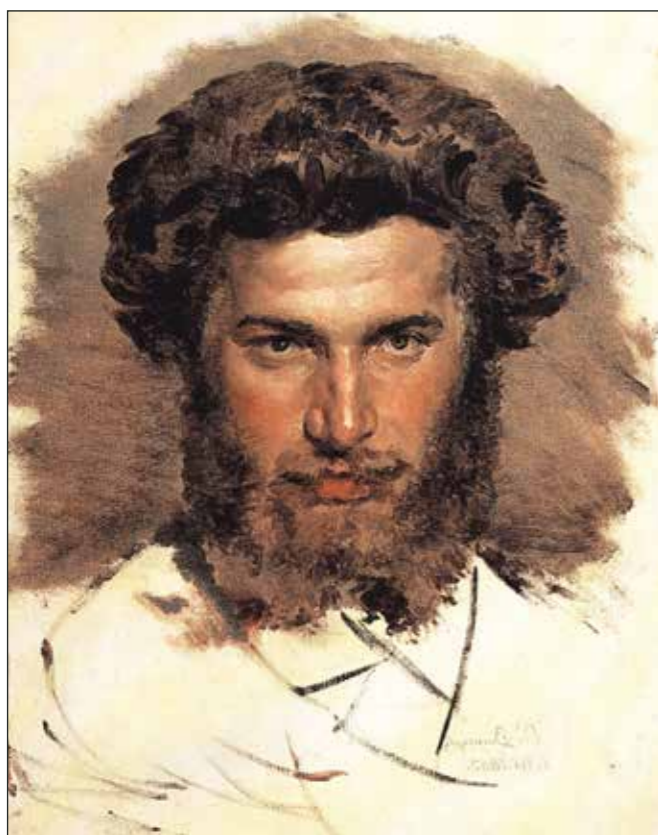
Иллюзия света была его богом, и не было художника, равного ему в достижении этого чуда живописи. Куинджи – художник света.

И.Е. Репин

Все пейзажисты говорят, что эффект Куинджи – дело нехитрое, а сами сделать его не могут.

П.П. Чистяков

Художественная жизнь России конца XIX – начала XX века окрашена явлением, до сегодняшнего дня недостаточно оцененным, – это школа А.И. Куинджи (1841–1910). Талантливых преподавателей в Императорской Академии художеств было много, но школу создал только Архип Иванович. Явление феномена вызвало к жизни новое понятие – *куинджизм*. Подобно Плеядам созвездия Тельца, куинджисты блистали на поле культуры ярко и талантливо. К сожалению, не все из этих имен достаточно известны широкой публике эпохи постмодернизма – К.Ф. Богаевский, А.А. Борисов, Я.И. Бровар, К.К. Вроблевский, В.И. Зарубин, М.П. Латри, В.-К.Е. Пурвит, Н.К. Рерих, Ф.-Э.Э. Рушиц, А.А. Рылов, Е.И. Столица, А.А. Чумаков, Н.П. Химона... На рубеже XIX–XX веков о них говорила Академия художеств, их имена знала Европа, их первые картины успел приобрести П.М. Третьяков.

В.М. Васнецов. Портрет Куинджи. 1869

А.И. Куинджи возглавлял мастерскую пейзажной живописи. Тремя дарами наградила его судьба: живописца – И.Е. Репин считал Куинджи гением пейзажа; педагога – ученики свято почитали Архипа Ивановича, Константин Богаевский на фотографии, где был снят их выпуск, написал: «С нами Куинджи и вся его святая сила!»; и мецената – третий дар художника был направлен на общественную деятельность, крупные суммы он вкладывал в развитие культуры.

Внешность его была неординарна. «Коренастая фигура, с огромной головой, шевелюрой Авессалома и очаровательными очами быка, он был красив, как Ассур, дух ассирийцев»¹. Архип Иванович никогда не навязывал ученикам своего художественно-творческого направления, стиля, манеры. Он учил большому – видеть. А как видел сам художник? Репин вспоминал: «В большом физическом кабинете на университетском дворе мы, художники-передвижники, собирались в обществе Д.И. Менделеева и Ф.Ф. Петрушевского для изучения под их руководством свойств разных красок. Есть прибор – измеритель чувствительности глаза к тонким нюансам тонов; Куинджи побивал рекорд в чувствительности до идеальных точностей, а у некоторых товарищей до смеху была груба эта чувствительность»².

К каждому студенту у Архипа Ивановича был свой подход, дающий возможность развивать индивидуальные способности, потому высокое отношение к нему ученики сохраняли навсегда. Дача в Крыму у скалы Узун-Таш, или Алтын-Гёз (в переводе с тюркского «золотой глаз»), стала продолжением его педагогического подвижничества. Здесь совмещались быт и бытие, отдых и непрерывный труд внутреннего, творческого поиска. Уроки жизни мудрого Мастера проходили на берегу Черного моря у белого камня, когда-то отколовшегося от золотой скалы, омытого морем и временем. Белый камень Узун-Таш изображен на многих работах А.И. Куинджи.

Сегодня, по прошествии многих лет, мы можем лишь удивляться высокому педагогическому результату. Всех учеников А.И. Куинджи отличает то, чему не сразу удается найти нужное слово, но что сразу чувствуется в их произведениях, – это не только родственность отношений, которые они пронесли через всю жизнь, не только дружба, братство, но и что-то еще... Их не похожие друг на друга картины имеют что-то общее, почти неуловимое, что лежит поверх красок и холста.

Чем мог связывать в одно целое учитель своих учеников? Может быть, сумел рассказать им о радости искусства? Гению это по силам, ибо, как говорил Платон в «Пире», гении являются посредниками между богами и смертными. Куинджи по силам оказалось совершить подобный прорыв. В конце XIX века он неожиданно для передвижников обращается к романтизму. Вслед Платону художник-романтик не только пел гимн Природе, он устремлял человечество к Прекрасному, к неземной Красоте, потому в его живописи главным действующим лицом стал Свет, дневная и ночная природа.

В 1880 году А.И. Куинджи поразил столицу выставкой одной картины «Лунная ночь на Днепре», а через год – показом «Березовой рощи». Уникальность выставок, особенно первой, состояла в том, что в абсолютной темноте, освещенная направленным лучом электрического света, единственная картина создавала эффект реальности изображенного пейзажа, слияния с ним до осязаемости дыхания природы. Посетители становились участниками некоего действия, подобного древнегреческим мистериям, проходя через катарсис, ведущий к очищению души. Не потому ли критики говорили о «декоративности и театральности» его работ?

Главным действующим лицом обеих картин была поэзия солнечного и лунного света, чем восхищался Репин. «Успех Куинджи заключается не

только в его гениальности; увлекала в его искусстве введенная им в живопись поэзия»³. Коллеги отмечали материальность света и воздуха, их осязаемость. Крамской изумлялся: «Быть может, Куинджи соединил вместе <...> такие краски, которые находятся в природном антагонизме между собой»⁴. И сегодня обсуждают использование им дополнительных цветов. «Куинджи открывает цветность воздуха, изучает слабо пульсирующую вибрацию воздушных струй. Художник преодолевает свою же тональную систему живописи»⁵.

Репин точно подметил суть героического труда «неистового грека»: «Куинджи заложил целое направление в русском искусстве, которое восприняли и развили другие художники»⁶. Заговорили о неоромантизме, о возрождении романтизма в русской живописи.

Современные словари по эстетике, современное интернет-пространство приводят такое определение: «Романтизм (франц. romantisme), идейное и художественное движение в европейской и американской культуре конца VIII – начала XIX века. Зародившийся в качестве реакции на рационализм и механицизм эстетики классицизма и философии Просвещения, утвердившийся в эпоху революционной ломки старого миропорядка, романтизм противопоставил утилитаризму и нивелированию личности устремленность к безграничной свободе и бесконечному, жажду совершенства и обновления, пафос личной и гражданской независимости. Мучительный разлад идеала и действительности лег в основу романтического мировосприятия; свойственные ему утверждение самоценности творческой и духовной жизни человека, изображение сильных страстей, одухотворение природы, интерес к национальному прошлому, стремление к синтетическим формам искусства сочетаются с мотивами мировой скорби, тягой к исследованию и воссозданию “теневого”, “ночной” стороны человеческой души, со знаменитой “романтической иронией”, позволявшей романтикам смело сопоставлять и уравнивать высокое и низменное, трагическое и комическое, реальное и фантастическое. Развиваясь во многих странах, романтизм повсюду приобретал яркое национальное своеобразие, обусловленное местными историческими традициями и условиями»⁷.

Сравним с тем, что писал в 1923 году философ Н.А. Бердяев, которого иногда называют романтиком: «В культуре всегда действовало два начала –

классическое и романтическое, и в разные эпохи преобладало то одно, то другое начало и создавало преобладающий стиль культуры <...> Классическое и романтическое переплетаются, борются друг с другом и взаимодействуют»⁸. И еще: «Романтическая культура есть культура с трансцендентными прорывами, осуществляющая совершенство в беспредельности, размыкающая и не допускающая совершенства на земле. Формы ее не столь строгие, и в ней всегда есть прорывы, всегда раскрываются за ней беспредельные дали <...> Романтическая культура вся есть о мире за пределами, вся устремлена к совершенству в вечности и безмерности»⁹.

Заметим, что в настоящее время искусствоведы не дают однозначного определения творческому методу А.И. Куинджи, видя в его искусстве то начало импрессионизма, то новое веяние романтизма, то реализм, то академизм, который, в свою очередь, сочетал приемы и классицизма, и романтизма.

С одной стороны, Архип Иванович продолжает русский романтизм первой половины XIX века, с другой – начинает его новую ветвь, предвосхищающую эстетику эпохи модерна. Он поведет за собой учеников, которые будут преобразовать реальность мира, внося в него свет, количество которого в их картинах, как и в картинах Куинджи, назовут излишней декоративностью.

Ученики переняли не только колористические и декоративные особенности живописного строя Куинджи. Судьба по-разному распорядилась их славой, но три дара Архипа Ивановича в разной степени окрасили творчество и жизнь каждого из них. В свою очередь, А.А. Рылов, К.Ф. Богаевский, А.А. Борисов, К.Х. Вроблевский, В.-К.Е. Пурвит, Н.К. Рерих и другие ученики были щедро отмечены дарами небес. У Рериха их оказалось больше, чем у друзей, фамилия его рода в переводе с древнескандинавского означает «славой богатый». Рерих, как и его сокурсники, продолжит научные эксперименты Куинджи со светом, с красками и найдет свой секрет, позволяющий передать сияние неземных миров.

Репин считал Куинджи гением-новатором, открывающим новую эпоху, гением-изобретателем: «Его гений мог работать только над чем-нибудь еще не изведанным человечеству, не грезившимся никаким художникам до него»¹⁰.

На рубеже XIX–XX веков появился «неизвестный ранее русскому искусству цветовой ре-

³ Репин И.Е. Далекое и близкое. С. 333.

⁴ Крамской об искусстве / Состав. Т.М. Коваленская. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1960. С. 181.

⁵ Манин В.С. Альбом: Архип Иванович Куинджи и его школа. М.: Художник РСФСР, 1987. С. 22.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ <http://smallbay.ru/romantic.html>

⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы. Харьков-М., 2002. С. 707.

⁹ Там же.

¹⁰ Репин И.Е. Далекое и близкое. С. 329.

¹ Репин И.Е. Далекое и близкое. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1960. С. 332.

² Там же. С. 332.

гистр: сиреневый, фиолетовый, желтый, красный, бирюзовый, лиловый»¹¹. Это будут любимые тона художников, поэтов, музыкантов, ученых. Их объединит общее для всех новое направление в искусстве – космизм. Архип Иванович посвятил исследованию Эльбруса целую серию работ, их можно назвать первым проявлением космизма в живописи того периода. С необыкновенной силой космизм проявится в творчестве самого младшего его ученика, Н.К. Рериха, которого назовут непревзойденным Певцом Гор, запечатлевшим дух самой высокой горной системы Земли, самой близкой к звездам. Имя Рериха навсегда будет связано с космосом легендарной записью Юрия Гагарина в боржурнале 12 апреля 1961 года: «Лучи просвечивали через земную атмосферу, горизонт стал ярко-оранжевым, постепенно переходящим во все цвета радуги: к голубому, синему, фиолетовому, черному. Неописуемая цветовая гамма! Как на полотнах художника Николая Рериха!»

Гениально проявив дар живописца, Куинджи на тридцать лет уйдет, по сути, в отшельничество, ибо внешне этот период являлся своеобразным молчанием – никто не видел ни одной новой его картины. В это время во всю силу зазвучит его педагогический талант. Лишь незадолго до ухода художник выйдет из затворничества, соберет самых близких друзей и учеников и откроет им тайну... Все эти годы он творил, размышлял, искал. Он показал четыре картины, среди них была работа «Христос в Гефсиманском саду» – совершенная по композиции, колориту и глубоко символичная, с эффектом лунного света, такого же, как на картине «Лунная ночь на Днепре». Главное внимание приковано к Христу – Солнцу правды, как обращается к Нему тропарь, празднику Рождества Христова (условное соединение в одной картине солнечной и лунной природы Христа). Глас 4: «Рождение Твое, Христе Боже наш, воссияло миру светом разумения: ибо в нем служители звезд от звезды научились поклоняться Тебе – Солнцу правды». Его ноги стоят на кресте из пересечения ярких лунных лучей, а фигура помещена в центр приглушенного, отраженного лунного сияния, которое вписано в проем портала, образованного ветвями деревьев, ассоциирующегося по форме с полудешней бирюзово-фосфорической мандорлой¹². Лунная земная gloria намекает о зеркальности славы небесной...

В настоящее время работа хранится в собрании Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника, она почти никогда не покидала фондов музея, не экспонировалась. К 165-летию великого русского пейзажиста в Симферопольском худо-

жественном музее, где находится третья авторская реплика картины «Лунная ночь на Днепре», прошла выставка «Куинджи и его ученики». Сюда к юбилею привезли работу из Алушки. Не напрасно Крамской волновался о сохранности красок на полотнах Куинджи: работы потемнели от времени.

В начале XXI века в Симферопольском художественном музее с некоторыми вариациями было повторено неожиданное экспозиционное решение А.И. Куинджи конца XIX века. В абсолютно темном зале, задрапированном черной тканью, напротив друг друга, освещенные направленным электрическим светом, разместили не одну, а две картины художника – «Лунная ночь на Днепре» и «Христос в Гефсиманском саду». Таким образом, центр новой экспозиции находился в перекрестье нездешнего света, исходящего от Христа и ночного светила.

Тихо, будто «душа с душою говорит», звучал голос скрипки, инструмента, на котором так любил играть художник. Реакция всех входящих в выставочный зал была примерно одинаковая – оцепенение, молчание, восторг... И через века потемневшие краски были способны вызвать сильные чувства, устремить к Прекрасному. Часто бывая у своего друга Д.И. Менделеева, Архип Иванович, как средневековый алхимик, искал способ сохранить «душу» света в создаваемых им красках, подобно тому, как Паганини искал «душу» звука. Он верил, что нашел секрет и что его картины будут жить и сиять после него. В этом убедились посетители выставки, которым стали понятны эмоции зрителей XIX века, начинавших креститься перед картиной мага и «чародея света», как еще при жизни называли Куинджи.

Казалось, исчезло время, а пространство наполнилось иной реальностью, струящейся с обеих стен фосфорическим сиянием, увлекая души Красотой земной лунной ночи над символической рекою жизни и предчувствием Теофании, а через миг, через вздох следовал еще один порыв души, изумленной Богоявленьем в саду Гефсиманском, к Красоте неземной. Не случайно эти картины, воспринимаемые как единое целое, написанные и дописанные в период молчания, оказались рядом не только на временной выставке в музее, но рядом территориально – в Крыму на 45-й параллели Земли.

В наше время зафиксировано множество случаев просветления икон, о чем периодически сообщают средства массовой информации. Нечто подобное произошло с картинами Куинджи «Лунная ночь на Днепре» и «Христос в Гефсиманском саду» в Симферопольском художественном музее. Через полтора месяца экспонирования на выставке обе картины не только проявили цвет, контур, но вер-

А.И. Куинджи с учениками. 1897

нулась поэтичность лунного освещения, воскресла сила красок мастера. Свет софитов усилил фосфорическое сияние над головой Христа. Около его фигуры, едва читаемой до выставки, по краям аллеи возникли до этого невидимые сторбленные коричневые силуэты фарисеев, обнажилась мимика характерных лиц, будто в назидание напоминающих, что все тайное становится явным.

В соседнем зале при свете солнца экспонировались работы всех учеников А.И. Куинджи, волею судьбы собранные в фондах крымских музеев. Казалось, сами картины рады встрече. Как беззаботно летом 1895 года молодые художники жили под открытым небом на даче учителя, ходили козьими тропами, изучали местную природу, море, с увлечением музицировали, впитывая мудрые слова Мастера. Не здесь ли истоки крымской школы живописи, состоящей, кажется, только из солнечного света?

К ученикам Архип Иванович относился как к собственным детям, хотя своих детей у него не было. Всего три года руководил он пейзажной мастерской. В 1896 году президент Академии обвинил Куинджи в чрезмерном влиянии на учащихся и потребовал ухода. Ученики последовали за ним, но Архип Иванович настоял на их возвращении,

так как курс был выпускной. Он подарил Академии художеств 100 тыс. руб., которые пошли на учреждение весенних Академических выставок и 24 ежегодные премии молодым живописцам. В 1897 году Куинджи покидает Академию, «его выжили великий князь Владимир и граф И.И. Толстой»¹³. На публичных выпускных экзаменах высокий уровень работ всех учеников его мастерской поразил разнообразием сюжетов, новизной индивидуального подхода, резко контрастировавшими с работами учеников других преподавателей, в которых рецензенты отмечали царство академической рутин.

В мае 1898 года Архип Иванович везет двенадцать выпускников за границу: Берлин, Дрезден, Дюссельдорф, Кельн, Париж, Мюнхен, Страсбург, Вена... Путешествие было завершением образования, питая образами сознание учеников. Куинджи познакомил их со старым и новым искусством Европы, они посетили выставки Сецессиона, заехали к Ашбе, частная школа которого немного напоминала мастерскую Куинджи. Ашбе тоже занимался благотворительностью, помогал бедным талантливым студентам.

В ноябре 1898 года выходит журнал «Мир искусства» – Серебряный век начался! Месяцем раньше,

¹¹ Манин В.С. Альбом: Архип Иванович Куинджи и его школа. С. 22.

¹² Мандорла – в иконописи изображение сияния славы Христа в сценах Воскрешения.

¹³ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 2. М.: МЦР, 1995. С. 101.

в октябре публика увидела первый номер ежемесячного иллюстрированного журнала «Искусство и художественная промышленность» под редакцией Н.П. Собко. Журнал издавался по май 1902 года Обществом поощрения художеств. Здесь печатались В.В. Стасов, М.М. Антокольский, В.В. Верещагин и ряд авторов, пользующихся псевдонимами. Именем Р. Изгой были подписаны цикл статей «Искусство и археология», отзывы о выставках в Академии художеств, об искусстве современников и ряд других заметок.

Об одном из весенних вернисажей Р. Изгой пишет: «Долго тяготевшая над этими выставками “академичность” <...> очевидно нарушилась в прошлом году. В многочисленных рецензиях об этой выставке, в ряду с чрезмерным разбором вещей Котабрианского, почти везде опускался один важный отличительный признак, а именно: что наряду с элементами прежними, известными, в состав выставки вошли элементы совершенно новые; обнаружилась целая группа лиц молодых, имен до сих пор почти не слышанных (Шмаров, Браз, Рушиц, Пурвит, Вальтер, Зарубин, Рылов и др.)»¹⁴. Подобная оценка была высказана и в отзыве другого автора: «Кроме класса бывшего профессора Куинджи, давшего несколько выдающихся учеников, одаренных искрой Божьей и умело руководимых своим профессором <...> все остальное казалось ниже критики»¹⁵.

Под псевдонимом Р. Изгой писал Н.К. Рерих, он тогда увлеклся археологией, изучением Древней Руси. Этимологический словарь Фасмера слову «изгой» дает такое определение: «(в Древней Руси) князь, не имеющий наследного права на великокняжеский трон <...> первонач. “выжитый из рода, не пользующийся уходом”». Изгой не был лишен прав и пользовался покровительством церкви, если он был, например, сиротой княжеского происхождения. Возможно, выбор псевдонима говорил о сложном периоде непонимания Николая Константиновича коллегами, когда в трудную минуту его поддержал только Куинджи. Н.К. Рерих пишет в «Листах дневника»: «Помню, как Общество поощрения художеств пригласило меня после окончания Академии художеств помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, гово-

ря: “Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать”»¹⁶.

Сложность ситуации была в том, что журнал «Искусство и художественная промышленность» поддерживал традиции передвижников и противостоял традиции передвижников и противостоял членам Академии искали случая, чтобы обругать “Мир искусства”. Из-за этой ненависти разошелся я с Собко и попал в подозрение у Стасова»¹⁷.

У Куинджи была мечта, которую он смог осуществить лишь в конце жизни, в 1909 году. За год до ухода Архип Иванович создал Общество, которое, несмотря на сопротивление художника, назвали его именем и которое два десятилетия после него работало на благо культуры (до 1930 года). Архип Иванович передал обществу 150 тыс. руб., свое крымское имение в 225 десятин и завещал все свои картины. Учредителями стали бывшие ученики мастерской А.И. Куинджи: А.А. Борисов, П.Н. Вагнер, К.К. Вроблевский, В.И. Зарубин, Н.К. Рерих, А.А. Рылов, Е.И. Столица, художники В.А. Беклемишев, Р.А. Берггольц, Ф.Ф. Бухгольц, К.Я. Крыжичкий, В.Е. Маковский, А.В. Щусев и др.

Устав гласил: «Оказывать как материальную, так и нравственную поддержку всем художественным Обществам, кружкам и отдельным художникам; учредить для выдающихся художников конкурс им. А.И. Куинджи; построить выставочное помещение как для отдельных, так и совместных выставок всех художественных обществ. Этим путем Общество надеется объединить художников на пользу развития и распространения искусства в России»¹⁸.

Общество работало, присуждало ежегодные премии, устраивало выставки, «куинджевские пятницы» – концертные вечера, на которые приглашались А.Я. Ваганова, Т.П. Карсавина, Е.П. Корчагина-Александровская, М.Ф. Кшесинская, Ф.И. Шаляпин, Тэффи и др. Общество выдавало пособия нуждающимся художникам, покупало картины с выставок, которые затем передавались в провинциальные музеи. Была собрана большая библиотека книг по искусству.

«И до самой кончины Архипа Ивановича все мы оставались с ним в крепкой любви, в сердечном взаимопонимании и содружестве. И между собою ученики Куинджи остались в особых неразрывных отношениях. Учитель сумел не только

вооружить к творчеству и жизненной борьбе, но и спаять в общем служении искусству и человечеству»¹⁹. Таким образом ученики Куинджи продолжали дело учителя, направляя свои усилия на ниву культуры. Они помнили главное: радость искусства, как особая мудрость, находится вне пределов земных, а на Земле к ней можно прикоснуться через творчество, через служение Красоте.

«Хранят нерушимо память об Учителе и все разлетевшиеся ученики, укрепившие имена свои на страницах истории искусства»²⁰, – писал Рерих. Он вспоминал, что перед уходом Архип Иванович хотел повидать всех своих учеников. Но сделать это было очень трудно: «В летнее время все были в разъезде. Вроблевский был в Карпатах, Пурвит в Риге, Рушиц за Краковом, Богаевский и Латри – в Крыму, и остальные все далеко. Я сделал целое расписание – кому и куда написано»²¹.

Воспитанники Куинджи в разной степени проявили то лучшее, чем обогатил их сознание Учитель жизни, как назвал Архипа Ивановича Рерих. Каждого он вспомнит добрым словом через срок лет, многих уже не будет в живых, и каждому брату с горных высот Гималаев Рерих пошлет привет сердца:

«Вильгельм Пурвит стал прославленным художником и главою академии в Латвии. Чуткий колорист Пурвит, как никто, запечатлел весеннее пробуждение природы. Передал снега, обласканные солнцем, и первые листья берез, и звонкие ручьи... На днях в газете “Сегодня” Пурвит говорил о красотах Латгалии; читая его ласковые слова о родной природе, мы опять видели перед собой славного, углубленного Пурвита, точно и не было прошедших сорока лет.

Привет Пурвиту!

Фердинанд Рушиц стал корифеем польского искусства. Старый город Краков гордится им, и во многих странах знают его героические произведения. Именно героичность звучит в картинах Рушица. И в пейзажах, и в старых городах, и в самых твердых, уверенных красках утверждена сила художника. В 1903 году в Вильне последний раз встретились с Рушицом. Но словно бы и не пробежали эти десятки лет.

Привет Рушицу!

Аркадий Рылов укрепил себя на одной из лучших страниц русского искусства. “Зеленый шум” Рылова обошел все художественные издания. Русские музеи хранят его картины, а многие ученики его сохраняют о нем сердечную память. Работали мы с Рыловым и после академии семнадцать лет

в Обществе поощрения художеств. Как прекрасно вел он свои классы, и как любили его ученики! Русскую природу он любит, знает и умеет передать эту несломимую любовь своим ученикам. Рылов – заслуженный деятель искусств – еще недавно, после смерти Горького, так прекрасно писал в “Красной газете” о памятнике великому писателю, о народном творчестве! Рылов умеет ценить народные сокровища. Уже шестнадцать лет не виделись мы, но, как вчера, вижу дорогого друга.

Привет Рылову!

Николай Химона подтвердил собою лучшие основы Греции. И с ним мы работали шестнадцать лет в лучшем согласии. Он умел хранить заветы Учителя. В 1930 году в Лондоне была его посмертная выставка. Сильны и свежи были его пейзажи. Снега, реки, весенние холмы, а также и знаки дальней его родины – Греции.

Привет Химоне!

Константин Вроблевский любил Карпаты, Украину. И с ним дружно работали мы в Школе Общества поощрения художеств. Верный в слове, твердый в работе, Вроблевский был близким для учащихся.

Привет Вроблевскому!

Константин Богаевский – певец Крыма – дал свой, неповторенный стиль. Помнится статья Волошина о Богаевском. Незабываемы характерные скалы и старые башни Тавриды и совершенно особая схема колорита.

Привет Богаевскому!

И Латри любил Крым. Элегия и величавость запечатлены в его картинах, в глубоком тоне и спокойном очертании. Слышно было, что Латри был в Париже и увлеклся прикладным искусством. Едино искусство и всюду должно внести красоту жизни.

Привет Латри!

Виктор Зарубин дал любимые им Украину, Харьковщину, Межигорье с обозами, паломниками, с далями, полными его настроения. Странники по лицу земли уходят за холмы, блестят степные речки, залегли курганы, и шепчутся темные сосновые боры.

Привет Зарубину!

Не знаю, где Борисов – поэт Севера, баян льдов и полуночного солнца. Где Кандауров? Помним его “Скифскую могилу” в музее академии. Где Калмыков? Где Бровар? Педашенко? Курбатов? Воропанов? Но если бы встретились, то сорок лет минули бы незаметно. Ничто неприятное не может войти между учениками Куинджи. Свежи заветы Учителя»²².

¹⁴ Изгой Р. Наши художественные дела, 16 декабря 1898 года // Искусство и художественная промышленность. Ежемесячное иллюстрированное издание без предварительной цензуры, предпринятое с Высочайшего соизволения Императорским Обществом поощрения художеств в С.-Петербурге. Под ред. Н.П. Собко. Т. 1, 1898–1899, № 4. С. 381.

¹⁵ Старовер. О второй выставке «Конкурентов в новой Академии художеств» // Искусство и художественная промышленность. Ежемесячное иллюстрированное издание без предварительной цензуры, предпринятое с Высочайшего соизволения Императорским Обществом поощрения художеств в С.-Петербурге. Т. 1, 1898, № 1, 2. С. 228.

¹⁶ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. С. 44.

¹⁷ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 3. М.: МЦР, 1996. С. 626.

¹⁸ Устав Общества им. А.И. Куинджи // ЦГИА, ф. 791, оп. 1, ед. хр. 4, л. 23.

¹⁹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. С. 44.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Там же. С. 293.

Перед Великой Отечественной войной в Симферопольский художественный музей из Общества имени А.И. Куинджи неведомыми путями попали два небольших этюда великого мастера с символическими названиями «Узун-Таш» и «Ствол дерева». Белый камень основания школы Куинджи, как Бел-горюч Алатырь из Голубиной книги, – место встречи с Богом, философский камень, на котором стоит мировое древо, к мощи ствола которого Архип Иванович приложил немало усилий. У камня Узун-Таш в Крыму берет начало корень древа необычной школы жизни А.И. Куинджи, распростирая ветви по всему миру.

В июле 1910 года Куинджи созвал учеников, чтобы проститься. Так созывают самых близких, родных... Уходил он тяжело. Приступы невыносимой боли обессилили могучего Куинджи. Но в перерывах между ними Архип Иванович поражал доктора Гурвича, лечившего художника, широтой мировоззрения и непрерывным размышлением о нравственном развитии человечества. Куинджи считал, что «ни Моисей, ни Магомет, ни Будда, ни даже Христос ничего в этой области не сделали: не они переделали людей, а люди переделали их на свой лад, применительно к своим удобствам и потребностям»²³.

Вопрос, как увековечить память об Архипе Ивановиче Куинджи, оказался не простым. Ученики, члены Общества, спорили долго, но пришли к единому мнению. Надгробный памятник на могиле А.И. Куинджи решен в стиле модерн, которому свойственен универсализм. Здесь соединены различные материалы – камень, бронза, мозаика, подчеркнута многозначность образа, аллегория, декоративность цвета.

Как символично все переплелось: Куинджи и после ухода продолжал соединять людей в лучших стремлениях, в творчестве. Над проектом трудились архитектор А.В. Щусев, скульптор В.А. Беклемишев, мозаист В.А. Фролов и Н.К. Рерих – автор эскиза панно. Как ученик Архипа Ивановича, он свел профессиональные поиски всей группы в единое целое. На темно-синем фоне памятника тихим сияньем смальты золотится древо жизни, прорастая в вечность.

Общество имени А.И. Куинджи продолжало свою деятельность. А ученики продолжили дело учителя каждодневным, тихим, не всегда заметным глазу несведущего трудом, равномерно питая корни единого прелестного древа Культуры в Латвии, на Украине, в Крыму, России, Польше, Греции, Франции, Индии. Почти все преподавали, сеяли зерна Прекрасного в душах нового поко-

ления, учили видеть красоту несказанную, передавая заветы великого мастера. А.А. Рылов, которого пригласили вести пейзажную мастерскую в Академии художеств, продолжил традиции учителя; в его мастерской молодые художники так же все вместе пили чай из самовара, так же не подавлялась индивидуальность каждого. И так же, как А.И. Куинджи, Аркадий Александрович разговаривал с нашими братьями меньшими: в его мастерской был живой реабилитационный уголок, здесь лечили попавших в беду птиц, ящериц, белок, жила даже обезьяна.

Не только скромность и самоотверженность характеризовали каждого из куинджистов, но и нравственная непоколебимость в достижении благой цели. А.А. Борисов с его общественным темпераментом после Первой мировой войны целенаправленно внедрял проект Обь-Беломорской магистрали, лично обсуждал эту проблему с В.И. Лениным, после чего необходимость строительства дороги в Сибири была прописана в плане ГОЭЛРО.

В жизни большинства учеников Куинджи своеобразно отозвался его отшельнический опыт: многие из них предпочитали, если можно так выразиться, иночество в миру, они искали истину в науке и искусстве. Всех можно назвать философами, любителями мудрости. Е.И. Столица работал реставратором в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры; Ф.-Э. Руциц возглавил комитет по охране памятников истории в Вильно; Г.О. Калмыков выразил свои искания в серии картин о происхождении Солнечной системы; К.Ф. Богаевский постигал прошлое, настоящее и прозревал в своих работах будущее планеты, от Атлантиды до лика новой Земли; всю глубину многогранного философско-научно-художественного наследия Н.К. Рериха предстоит оценить потомкам.

Мастерская Куинджи, напоминающая святую гильдию художников Возрождения, до конца земных дней каждого из его учеников сохраняла незримое единство, независимо от географического расстояния. Живя единым ритмом, пульсом, дыханием, они не только коллективно вписывали «души прекрасные порывы» в картину будущего, преображенного Красотой мира, но и направляли к Прекрасному дух человечества, материализуя и концентрируя огромное количество света в своем творчестве.

Перефразируя К.Ф. Богаевского, можно сказать, что Куинджи и вся его святая рать по-прежнему с нами, а незабываемые творения их Духа несут Свет планете Земля.

Портрет А.И. Куинджи, подаренный Н.К. Рериху

²² Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. С. 45–47.

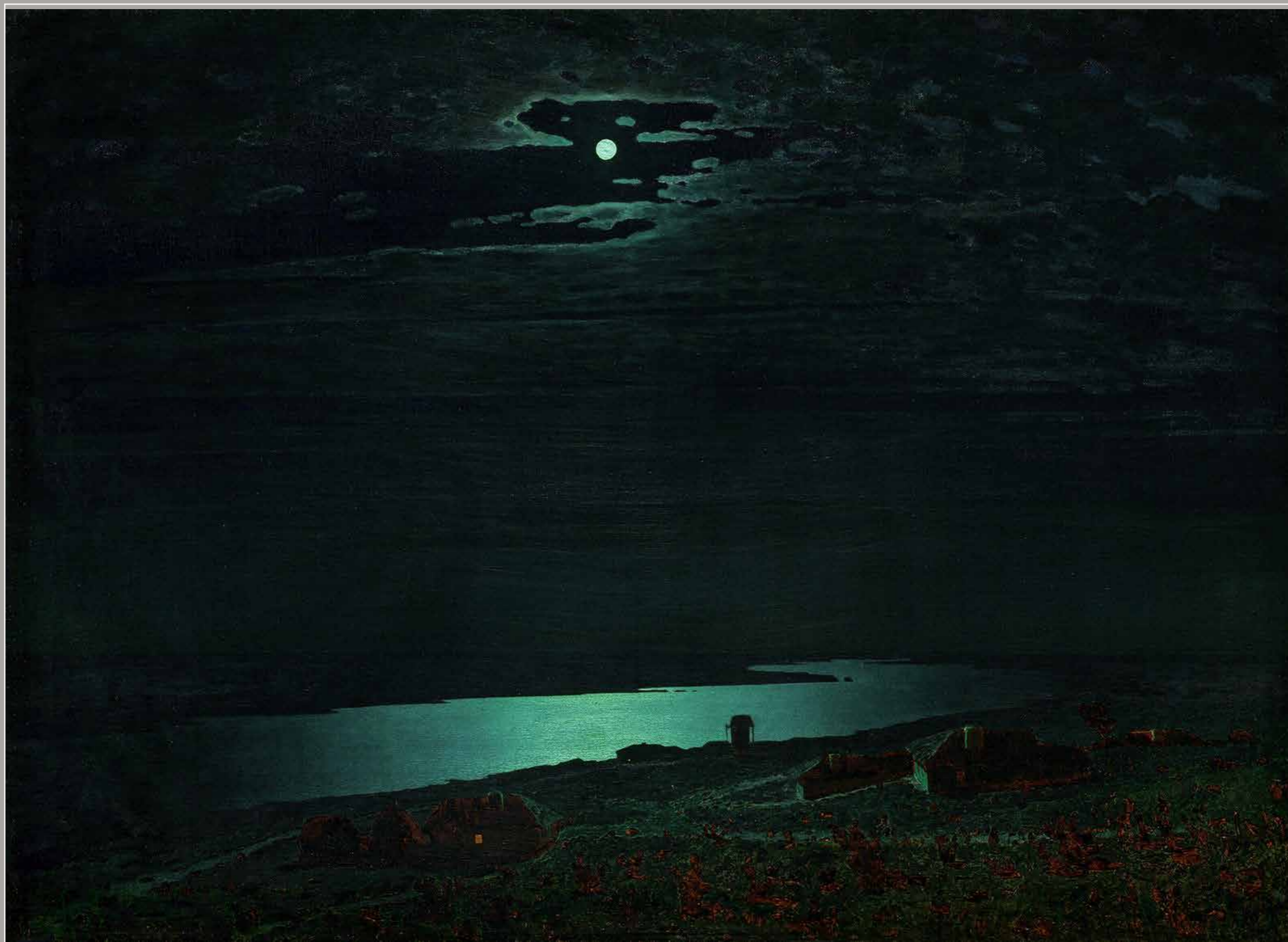
²³ Неведомский М.П. Архип Иванович Куинджи. СПб., 1913; Рерих И.Е. Далекое и близкое. М., 1960.

А.И. Куинджи. Радуга. 1900-е гг.

А.И. Куинджи. Ночное. 1905–1908

*А.И. Куинджи.
Лунная ночь на Днепре.
Вариант. 1882*

А.И. Куинджи. Березовая роща. 1879

А.И. Куинджи. Осенняя распутица. 1872

А.И. Куинджи. Эльбрус вечером. 1898–1908

А.И. Куинджи. Ладожское озеро. 1871 ▶

Н.К. Рерих. Чара звериная. 1943

Н.К. Рерих. Гонец. «Восста род на род». 1897

Н.К. Рерих. Небесный бой. 1912

Н.К. Рерих. Гора пяти сокровищ. 1933

Н.К. Рерих. Сергиева пустынь. 1933

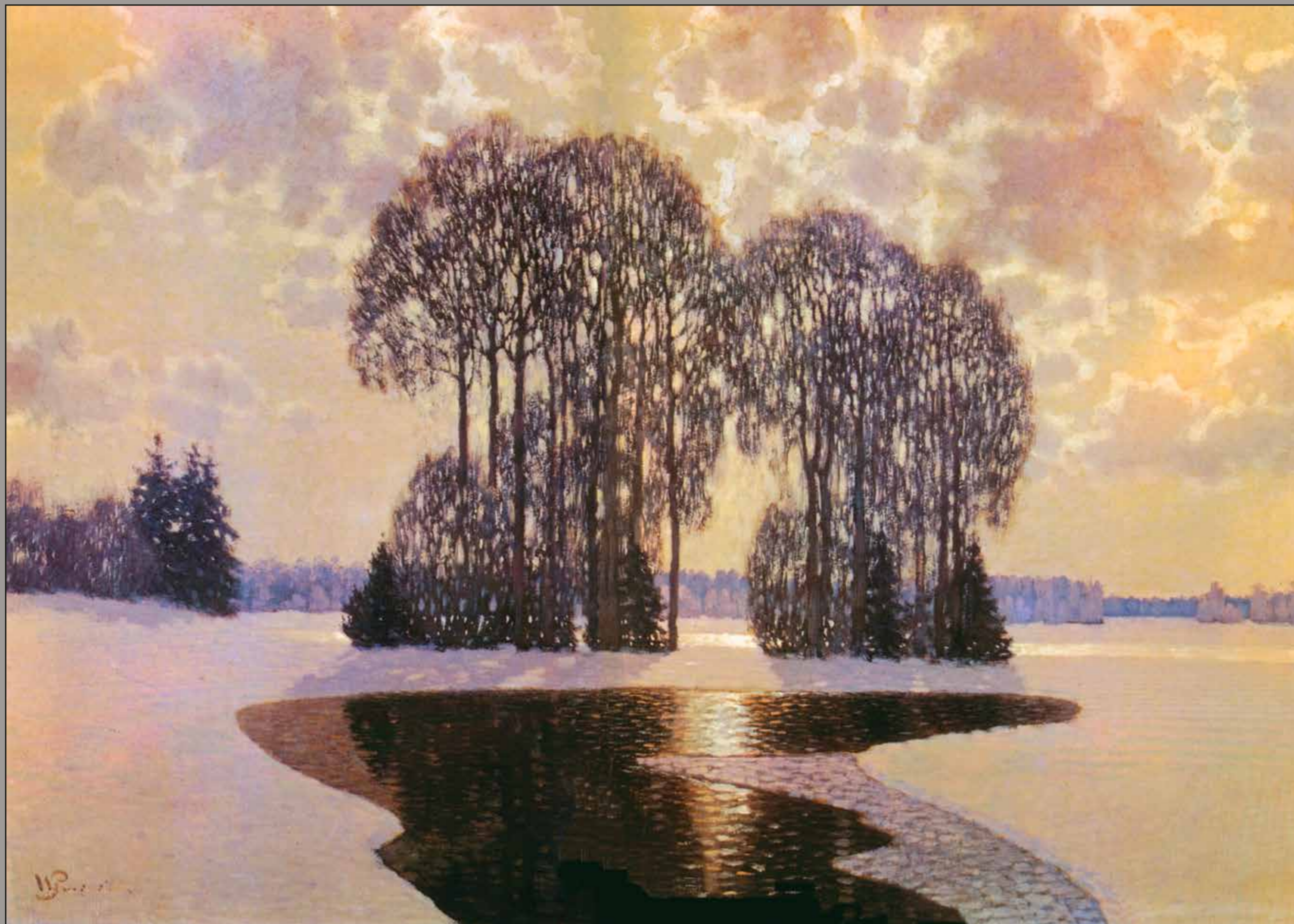
А.А. Рылов.
В голубом просторе.
1918

А.А. Рылов. На природе. 1933

А.А. Рылов. Зеленое кружево. 1928

В.-К.Е. Пурвит.
Зима

Е.И. Столица. Академическая дача. 1895

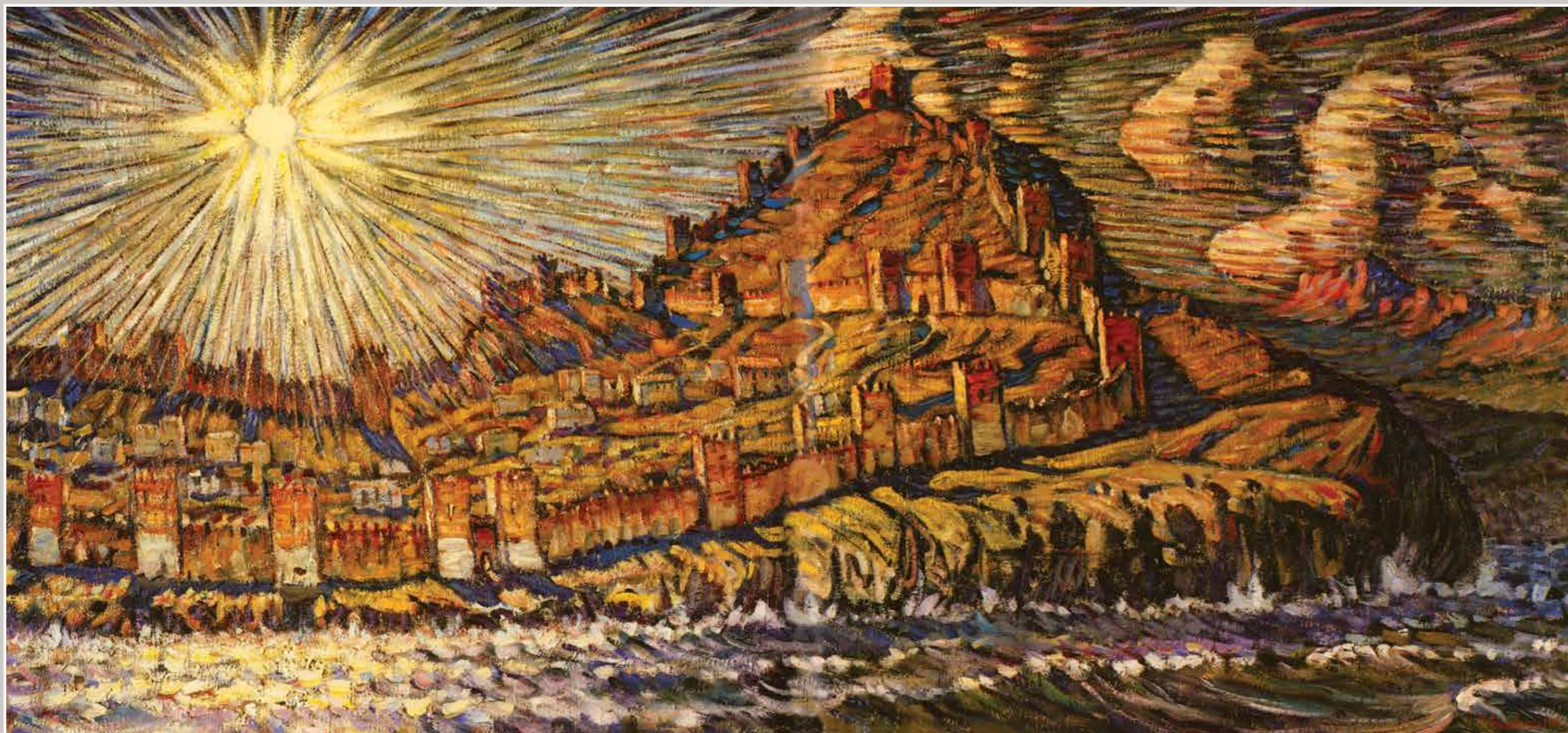
◀ *Ф.-Э.Э. Рушниц. Весна. 1897*

А.А. Борисов. Весенняя полярная ночь. 1897

К.К. Вроблевский. Горный пейзаж. 1898

К.Ф. Богаевский. Генуэзская крепость. 1907

К.Ф. Богаевский. Старый Крым. 1903

К.Ф. Богаевский. Панно для особняка М.П. Рябушинского в Москве. 1912 ▶

Н.П. Крымов. Пейзаж с женской фигурой в красном. Пер. пол. 1910-х гг.